

Н. Ф. Мурыгина

СОПРОТИВЛЕНИЕ ФРАКИЙСКИХ ПЛЕМЕН РИМСКОЙ АГРЕССИИ И ВОССТАНИЕ АНДРИСКА

Начало римской экспансии на Балканах относится к концу III и началу II в. до н. э. Ее первым этапом были Македонские войны, открывшие пути к дальнейшему продвижению римлян на север Балкан.

Захватническая политика Рима во II—I вв. до н. э. встретила сопротивление населения Греции, Македонии и греческих городов Понта, причем главным образом со стороны его средних и низших слоев. Вступление в борьбу местных племен усилило антиримское движение. Так, еще в первой половине II в. до н. э., когда римляне сосредоточили свое внимание на завоевании и укреплении своих позиций в Македонии, фракийцы явились активнейшими участниками развернувшихся войн Македонии и Рима. На протяжении двух последующих столетий фракийцы вместе с соседившими с ними племенами, а также с греками и македонянами неизменно выступали против римлян. Их участие в борьбе с Римом оказывало большое влияние на развитие римской политики на Балканах вообще, на римско-македонские, римско-фракийские отношения, на весь ход военных действий.

Однако совместные действия греков, македонян и местных племен не могут быть сведены только к «антиримской» войне, как понимали это древние авторы — Полибий, Ливий, Диодор и затем представители более поздней римской историографии, или только к «национальной борьбе», как утверждают буржуазные историки. Часто значительные по своей силе и размаху освободительные движения сопрягались с социальными выступлениями широких народных масс. Таким освободительным движением, содержащим в себе элементы социальной борьбы, было выступление в 149—148 гг. до н. э. рядового населения Македонии и фракийских племен, объединившихся вокруг некоего Андриска.

Восстание Андриска, хотя и не получило соответствующей оценки в западноевропейской исторической науке, тем не менее, будучи слишком значительным, не могло остаться вне ее поля зрения. В работах Моммзена, Инс, Херцберга восстанию Андриска уделено несколько страниц, посвященных изложению политической истории этого периода¹. Такого

¹ Т. Моммзен, Римская история, т. II, М., 1937, стр. 42—44; W. Ihne, Römische Geschichte, т. III, Lpz, 1872, стр. 247—249; G. F. Herzberg, Geschichte Griechenlands unter der Herrschaft der Römer, т. I, P., 1866, стр. 248—250.

же характера и статья Вилькена об Андриске, и работа Венеcke¹. Все эти исследования ценны в том отношении, что в них тщательно собраны свидетельства древних авторов по интересующему нас вопросу. Однако, вслед за романофильски настроенными древними авторами, эти историки изложили события преимущественно с проримских позиций, не выяснив ни причин восстания, ни его движущих сил, ни его исторического значения. Херцберг и Венеcke даже не дают оценки восстания. Моммзен, Вилькен и Ине трактуют его как вспышку национальной борьбы, умело используемой «авантюристом», каким являлся в их глазах вождь восстания Андриск². Вместе с тем исследование Моммзена выгодно отличается от всех остальных стремлением установить причины, в силу которых этот «авантюрист» смог сплотить вокруг себя македонян и одержать ряд побед над Римом³, хотя Моммзен также не выясняет того значения, которое имело для восстания участие в нем фракийцев. На восстании Андриска кратко останавливался и М. И. Ростовцев⁴. Он, не выясняя последовательно историю восстания, оценивает его как политический и экономический протест части населения Македонии против римского господства. М. И. Ростовцев считал, что восстание Андриска, так же как и восстание Аристоника в Пергаме, восстание местного населения в Египте, «национальное» движение в государстве Селевкидов и, вероятно, восстание на Боспоре, было направлено против римского господства и давления богатых. Он отмечал также, впрочем бегло, значение участия фракийцев в движении 149—148 гг. до н. э.

Однако несмотря на то, что движение Андриска уже служило предметом неоднократного исследования, тем не менее пренебрежение выяснением причин восстания, коренившихся во внутреннем состоянии Македонии и Фракии, не давало возможности увидеть прежде всего социальный характер этого движения. В этом отношении попытка выяснения движущих сил восстания, его характера и того значения, которое оно имело для последующего развития фрако-римских отношений вообще, позволит, возможно, дать более правильную оценку движению в целом.

Как известно, полоса войн Македонии с Римом окончилась тяжелым разгромом македонян в битве при Пидне в 168 г. до н. э. Римляне добились политической раздробленности страны и стремились закрепить ее всеми возможными мерами. Македония была разделена на четыре изолированных друг от друга части с центрами в Амфиполе, Фессалониках, Пелле, Пелагонии. Граждане, принадлежавшие к различным округам, были лишены права заключать между собой браки и приобретать друг у друга недвижимости. Был запрещен вывоз соли, леса, разработка богатейших золотых рудников (Liv., XLV, 18, 29). По сообщению Цицерона (De leg. agr., 11, 5), земли, принадлежавшие ранее македонским царям, теперь поступали в распоряжение цензоров. Кроме того, последовал ряд репрессий в отношении мирного населения. В Эпире было разорено 150 городов и продано в рабство 150 тысяч человек (Strabo, VII, 7, 3), в Этолии умерщвлено 550 старейшин (Liv., XLV, 28), многие были отправлены в Рим в качестве заложников (Liv., XLV, 34). Следствием столь жестоких и решительных действий Рима явилось образование как в самой Македонии, так и по всей Греции

¹ Wilcken, *Andriscos*, RE, I, стб. 2141—2143; M. A. Venescke, *The fall of the Macedonian monarchy*, САН, VIII, стр. 276—277.

² Т. Моммзен, ук. соч., т. II, стр. 44; Wilcken, ук. соч. стб. 2142; Ihne, ук. соч., стр. 249.

³ Т. Моммзен, ук. соч., т. II, стр. 43.

⁴ M. Rostovtzeff, *The social and economic history of the Hellenistic world*, Oxf., 1941. стр. 757, 758, 769, 774, 800, 801, 807, 1136.

антиримских партий, которые начали возникать уже во время войны с Персеем. Вместе с тем у римлян обнаружались и явные сторонники. Некоторые сведения об этих партиях дает Полибий. Так, он сообщает, что в греческих полисах было три разряда правителей в это время: первые, если и не помогали римлянам, то и не противодействовали им; вторые желали победы Персею, хотя и не могли привлечь на свою сторону сограждан и соплеменников; третьи «увлекали за собою государства и втягивали их в союз с Персеем» (Polyb., XXX, 6, 5—8). Ливий дает более определенные сведения, позволяющие увидеть, в чем именно состояла деятельность отдельных группировок. По его словам, в городах также было три рода старейшин, из которых два льстили то римлянам, то царям в целях достижения личного могущества, и «средняя партия, не разделяя взгляды ни тех, ни других, защищала свободу и законы» (Liv., XLV, 31). «Чем сильнее было сочувствие сограждан к этой последней партии, тем меньше расположены были к ним чужеземные народы» (Liv., XLV, 31). Из этих слов Ливия следует, что та партия, которая защищала «свободу и законы» (Liv., XLV, 31), пользовалась поддержкой народа: у римлян же, напротив, она вызывала опасения. По-видимому, эта группа лиц составляла оппозицию режиму, установленному римлянами в Македонии. Вместе с тем она внушала также страх и тем состоятельным соотечественникам, которые перешли на сторону Рима. Эти последние стремились при помощи римлян удержаться у власти (Polyb., XXX, 13; Liv., XLV, 31). Сторонники римлян внушали уполномоченным Рима, что народы Греции только тогда окажутся верными Риму, когда «будет подавлен дух партий и прочно утвердится авторитет тех, которые имеют в виду только власть римлян» (Liv., XLV, 31).

Подобная позиция греческой и македонской знати отнюдь не способствовала упрочению власти римлян в Македонии и Греции; напротив, она усиливала оппозиционные настроения. «Внутренние смуты и перемены, — как сообщает Полибий, — наступили почти для всех греческих государств» (Polyb., XXX, 6, 2). Естественно, что в такой обстановке достаточно было какого-либо повода, чтобы еле сдерживаемое негодование большей массы рядового населения переросло в открытое выступление против Рима и местной проримски настроенной знати. Таким образом, как это можно заключить на основании свидетельств древних, и в самой Македонии и в греческих полисах после победы над Персеем кипела острая и напряженная внутренняя борьба, в которой определенно можно усматривать два направления: знать выступала за активное сотрудничество с Римом и за его поддержку, широкие круги простого народа — против Рима и за поддержку всяческих выступлений против него.

Но та позиция, которую заняла Македония в восстании Андриска, в значительной мере обуславливалась той ролью и тем значением, которое имело для восстания участие в нем фракийских племен. Поэтому необходимо хотя бы в общих чертах остановиться на характеристике их социально-экономического развития в период II в. до н. э.

Известно, что фракийские племена, являвшиеся непосредственными соседями Македонии, прошли ко времени II в. до н. э. длительный путь экономического и политического развития. Исследования болгарских ученых дают возможность довольно четко воссоздать основные черты экономического и политического состояния фракийских племен в интересующее нас время. Так, установлено, что занимаемая фракийцами территория была весьма обширна: ее границами на востоке были Понт и Боспорский пролив, на юге — Пропонтида, Геллеспонт и Фракийское море, на западе — р. Стримон, на севере — р. Истр. Основным занятием племен, населявших южную Фракию, являлось сель-

ское хозяйство. Многочисленные сведения Геродота, Фукидида, Ксенофонта, Ливия, тщательно собранные и обобщенные в работах Г. И. Кацарова, Хр. Данова, А. Милчева, позволяют судить о развитом плужном земледелии, развитии скотоводства, виноградарства и об оживленных экономических связях¹. Одновременно с развитием сельского хозяйства шло развитие металлургического и керамического производства. Основной фигурой как в сельском хозяйстве, так и в ремесленном производстве являлись крестьяне-общинники, многие из которых попали в полную зависимость от знати. Использовался также и труд рабов. Однако четкое соотношение этих групп в производительном труде до сих пор не установлено². Хр. Данов, рассматривая социальные термины, употребляемые греческими и латинскими авторами для определения этих категорий, приходит к выводу, что часть фракийских племен была покорена более сильными чужими племенами и некоторыми полисами и занимала положение, сходное с положением илотов в Спарте, пенестов в Фессалии и даже рабов³.

Развитие сельского хозяйства и ремесел имело своим следствием возникновение оживленных экономических сношений фракийцев с греческим миром, развитие товарно-денежных отношений внутри Фракии⁴. Так, неоднократно комментированная надпись из Месембрии дает весьма интересные сведения о характере отношений фракийцев с западно-понтийскими городами, а также об их участии в морской торговле. В ней говорится, что месембрийцы даруют некоему Садалу, чьи владения находятся неподалеку от города, «гражданство, проксению, проедрию на состязаниях и (право) входить и выходить (из гавани) неприкосновенно и без договора...»⁵. Право «входить и выходить (из гавани)», как видно, свидетельствует о большой заинтересованности фракийских династов в свободном плавании по Черному морю и в морской торговле вообще.

Чекан монет фракийскими династами, наличие монет с эмблемами фракийских городов, контромаркирование монет также отчетливо указывает на наличие внутренней торговли и рост товарно-денежных отношений в самой Фракии⁶. Свидетельства Геродота, Фукидида, Ксенофонта

¹ Г. И. К а ц а р о в ь, Битъът на старите траки споредъ классическите писатели, Сб. «Българската академия на науките», кн. 1, 1913, София, стр. 17—28; Хр. Д а н о в, Към социално-икономическо развитие на източната половина на Балканския полуостров през първите пет века пр. н. э., «Исторически преглед», кн. 1, 1948, стр. 63—68; А. М и л ч е в, Социално-икономическият и общественно-политическият строй на траките (VIII—IV в. пр. н. э.), «Исторически преглед», кн. 4—5, 1950, стр. 534, 543—548.

² Хр. Д а н о в, Към историята на рабството в древна Тракия, «Исторически преглед», кн. 3—4, 1949, стр. 407—417.

³ Хр. Д а н о в, Към историята на полусвободните селяни през античната епоха, Сборник в чест Кацарова, часть 2, София, 1955, стр. 120.

⁴ Хр. Д а н о в, Към социално-икономическо развитие на източната половина на Балканския полуостров през първите пет века пр. н. э., «Исторически преглед», кн. 1, 1948, стр. 64—65; Хр. Д а н о в, Западният бряг на Черно море в древността, София, 1947, стр. 139; Т. В. Б л а в а т с к а я, Западно-понтийские города в VII—I веках до нашей эры, М., 1952, стр. 240. В. П. Н е в с к а я, Византий в классическую и эллинистическую эпохи, М., 1953, стр. 127.

⁵ Ив. Г ъ л ь б о в, Един новооткрит над. от Несебър, «Известия на народния музей Бургас», т. I, 1950, стр. 7—21. Хр. Д а н о в, К истории Фракии в III в. до н. э., ВДИ 1954, № 2, стр. 175. В настоящее время существуют две точки зрения о племенной принадлежности Садала. Хр. Данов относит его к племени ассов, тогда как Ив. Гъльбов и Г. Михайлов считают его царем одрисов. См. Хр. Д а н о в, там же; Г. М и х а й л о в, Към историята на Тракия през IV—III вв. пр. н. э., «Сборник в чест Кацарова», часть 2, стр. 156—164.

⁶ Д. Д о б р у с к и, Нумизматиката на тракийските царе, Сб. НУ, т. XIV, 1897, стр. 557—579; Т. Г е р а с и м о в, Портрет на Свет III (323—311 гг. пр. н. э.) върху монети, «Сборник в чест Кацарова», часть 2, стр. 126.

о наличии у фракийцев рабства, о выделении знати в особый класс¹, изображения этой знати на стенах гробницы Казанлыка², богатые погребения, чекан монет, наличие экономических внешних и внутренних связей говорят о резкой социальной дифференциации, происшедшей у фракийцев, и указывают на образование у них классового общества, во всяком случае у племен южной Фракии.

Государство одрисов, как известно, возникшее уже в V в. до н. э., продолжало существовать и в III в. до н. э., правда, не будучи уже столь влиятельным, каким оно было раньше. Известно, что один из последних одрисских царей Рескупорид находился в качестве заложника в Аполлонии³. Вышеупомянутая надпись из Месембрии указывает на существование другого значительного государственного образования в южной части Фракии. Несомненно, что такие племена южной Фракии, как синты, меды, асты также находились на стадии образования примитивных рабовладельческих государств.

От южных фракийских племен в смысле своего социально-экономического развития отличались горные племена Родопа и Гема — бессы, дии, орены, продолжавшие сохранять в своем быту значительные пережитки первобытно-общинных отношений. Они занимались преимущественно охотой, скотоводством, главным образом коневодством. Этим горным племенам была хорошо известна обработка металлов; из их мастерских вышли фракийские железные мечи (*μάχαιρα*) и секиры (*πέλεκυς θράκιος*). Эти свободолюбивые племена Родопа и Гема особенно упорно отстаивали свою независимость, что обусловило враждебное отношение к ним, особенно к племени бессов, древних авторов. Экономические связи с греческим миром, социальная дифференциация у этих племен были значительно слабее. К северу от Родопа жили требаллы и треры (Thuc., II, 96; Plin., NH, IV, 30—39). К ним примыкали и родственные фракийским племенам геты, занимавшие территорию по обе стороны нижнего Дуная (Strabo, VII, 3—2). Таким образом, в середине II в. до н. э. Фракия в этническом отношении была сравнительно сплоченным и единым целым, хотя по северным склонам Гема жили кельты, появившиеся здесь в начале III в. до нашей эры. Само положение фракийцев, находившихся как бы посередине между другими племенами и народами Балканского полуострова и греческим миром, обусловило то, что они стали активнейшими участниками экономических и культурных связей, установившихся между этими народами и греческими городами. Фракийские племена, особенно из областей южной Фракии, постоянно поддерживали различного рода отношения как с городами Западного Понта, так и с Македонией. Естественно, что они не могли быть вне участия в той борьбе, которую вызвало проникновение Рима на Балканский полуостров. Их самостоятельные экономические связи с греческим миром, их стремление к объединению теперь нарушались и в известной мере порывались с установлением господства Рима на Балканах. Поэтому первое активное выступление против Рима, каким явилось движение Андриска, не могло не вовлечь в свои ряды различных фракийских династов.

Однако фракийцы в соприкосновение с Римом вступили еще задолго до начала восстания. Уже во время Второй Македонской войны и войны Рима с Сирией позиция фракийских племен имела большое

¹ Нег., IV, 95; V, 6; Thuc., II, 97; Xen., Anab., VII, 3, 26.

² Н. Мавродиев, Живопись античной гробницы в Казанлыке, ВДИ, 1954, № 2, стр. 171—173.

³ Dittenberger, Sylloge, I, стр. 438; IGRR, I, № 389; Г. Кацаров, България в древността, София, 1926, стр. 41—42; Т. В. Блаватская, Западно-понтийские города, стр. 110.

значение для участников войн, хотя Фракия и не была прямой участницей в борьбе эллинистических держав с Римом. Известно, что Антиох Сирийский хотел укрепиться в Европе и овладеть проливами путем завоевания территории, занимаемой фракийскими племенами. Он утверждал, что Фракия является его законным владением, перешедшим к нему еще от Селевка I, и что, следовательно, он имеет полное право передать ее своему сыну (Polyb., XVIII, 51; App., Syr., I, 6). В 195 г. до н. э. сирийские войска заняли Херсонес Фракийский, Эгейскую Фракию и при помощи местного населения начали восстановление Лисимахии, однако римляне заставили Антиоха в 190 г. до н. э. вывести войска из Фракии.

Особо важное значение имела Фракия для Македонии, уже хотя бы потому, что фракийские племена занимали области, расположенные в тылу у македонян, вследствие чего могли угрожать вторжениями в глубь страны. Фракийские племена являлись для Македонии также источниками военных резервов, необходимых для борьбы с Римом. Известно, что конница горных фракийских племен пользовалась заслуженной славой в Македонии, а в войне Персея с Римом оказывала помощь македонским войскам (Liv., XLVI, 57). Македония постоянно старалась подчинить Фракию своему влиянию. Это особенно проявилось после Второй Македонской войны с Римом, когда Греция и греческие города были ослаблены римлянами и не могли оказать сколько-нибудь значительного противодействия устремлениям Македонии. Филипп V решил оружием подчинить своей власти фракийские племена. Однако два его похода в 183 и 181 гг. до н. э. в области денфелетов, бессов, одрисов (Polyb., XXIII, 8; Liv., XXXIX, 53) не дали желаемых результатов, так как фракийцы оказали энергичное сопротивление. Одрисы изгнали македонский гарнизон из Филиппополя, меды остались непокоренными, и царь одрисов Котис IV продолжал чекан монеты, чувствуя себя самостоятельным. В сущности, Фракия была по-прежнему независима. Филипп V был вынужден изменить свою политику в отношении фракийских племен. Он отказался от агрессии во Фракии и перешел к установлению союзных отношений с фракийскими династиями. Царь одрисов Котис IV стал союзником Филиппа. Через некоторое время союзные отношения были закреплены брачным союзом дочери Филиппа V и фракийского вождя Тереса (Diod., XXXII, 15, 1). Отношения между Фракией и Македонией были укреплены и другим путем. Македония обезлюдела в результате войн IV—III вв. до н. э., и Филипп V для пополнения уменьшившегося населения страны «...переселил в Македонию большое число фракийцев» (Liv., XXXIX, 24). Одновременно он создал грандиозный план вторжения в Италию через Альпы придунайских и фракийских племен под главенством Македонии. Таким образом, Филипп V, так же как затем и Митридат VI, видел в населении фракийских областей реальную силу в борьбе с Римом. Преемник Филиппа, Персей, хотя и отказался от грандиозных планов своего отца, но по-прежнему старался сохранить прочные союзные отношения с фракийскими племенами.

Укрепление союзных отношений Фракии с Македонией насторожило римлян и заставило их также прибегнуть к политике союзных договоров между Римом и некоторыми фракийскими династиями с тем, чтобы иметь во Фракии слои, могущие послужить опорой в борьбе с Македонией. Эти договоры составили первый этап в развитии фрако-римских отношений. Римский сенат не хотел допустить усиления Македонии за счет фракийцев. Уже в 211 г. до н. э., по сообщению Ливия, какой-то фракийский и иллирийский цари одновременно с народами Малой Азии заключили дружеский военный союз с Римом (Liv., XXVI, 24). Имя фракийского династа, к сожалению, осталось неизвестным. Этот договор сви-

детельствует о стремлении римлян изолировать фракийские племена от влияния Македонии. Вероятно, союз этот был недолговечен, так как в последующие годы о нем ничего не известно, а в 190 г. до н. э. во время похода римлян к Геллеспонту они подверглись нападению неподалеку от Кипселы со стороны фракийцев численностью «не более 10 тысяч из четырех племен — астийцев, кенян, мадуатенян и корелян» (Liv., XXXVIII, 40—41), а при возвращении едва не были разгромлены полностью. В период подготовки III Македонской войны римляне усилили внимание к Фракии, стараясь не допустить усиления Македонии за ее счет и, вместе с тем, использовать фракийцев для нападения с тыла. Они вновь стремятся подкупками, дарами привлечь на свою сторону часть фракийских династов. Хороший прием был оказан римлянами послам медов и астов, прибывшим в Рим с предложением дружбы и союза; каждому из послов были поднесены дары стоимостью по 2000 асов. Римляне были очень довольны тем, что эти народы стали их союзниками, так как «Фракия находится в тылу Македонии» (Liv., XLII, 19). В это же время был заключен союз с фракийским царем Автлебом (Liv., XLII, 67), племенная принадлежность которого не определена, и Абруполисом, царем сапеев, который, по-видимому, по подстрекательству римлян, произвел ряд вторжений во владения Персея, в область Пангейских рудников (Polyb., XXII, 6; Liv., XLII, 13, 40; App., Mac., IX, 1—3). В обстановке надвигавшейся войны с Македонией римляне придавали большое значение союзу с сапеями, так как Полибий, перечисляя действия Персея против Рима, прежде всего называет изгнание Абруполиса из его собственных владений царем Македонии (Polyb., XXII, 8). Царь Пергама, Евмен, отмечая преступления Персея перед сенатом, также подчеркивает изгнание Персеем Абруполиса, «друга и союзника Рима» (Liv., XLII, 13). Находки римских денариев этого периода во фракийских областях, а также сообщения Полибия и Ливия о союзнических отношениях, установленных с медами, астами и сапеями, являются доказательством усиления распространения римского влияния в юго-западной части Фракии и среди фракийцев, живших в областях неподалеку от Византии.

Но хотя часть фракийской знати и была на стороне Рима накануне Третьей Македонской войны, однако подавляющее большинство фракийцев держало сторону Македонии. Они оказались почти единственными и наиболее могущественными союзниками Персея. По свидетельству Ливия, к царю Македонии явился самый могущественный династ Фракии, царь одрисов Котис с 1000 человек отборной конницы и таким же числом пехоты. Одрисы составили 1/4 всей конницы Персея (Liv., XLII, 51). Вместе с ними в войске Македонии находились и «вольные фракийцы» (Liv., XLII, 51), по-видимому, из племен Родопа и Гема. Фракийцы составляли гарнизоны таких крупных городов, как например Амфиполь (Liv., XLIV, 44). Вокруг Котиса, по-видимому, группировались все фракийцы, находящиеся на стороне македонян (Liv., XLII, 58). В битвах они выделялись своей храбростью. Так, в битве при Ларисе, где Котис командовал левым флангом, фракийцы первые перешли в наступление на италийскую конницу и смогли привести в смятение этот народ, бесстрашный как «по привычке сражаться, так и от природы» (Liv., XLII, 59). По-видимому, фракийские племена и его цари надеялись, что путем оказания активной поддержки Персею они помогут ему сохранить независимую Македонию, которая будет являться преградой для римского проникновения непосредственно во Фракию.

В то время как фракийцы приняли большое участие в военных действиях на стороне Персея, римляне очень искусно использовали тех

вождей фракийских племен, которые были в числе их союзников. Авлет, вождь какого-то фракийского племени, вместе с Коррагом, полководцем Евмена, напал на Маронскую область, входившую во владения Котиса (Liv., XLII, 51, 69, XLIV, 42, 3; Flor., I, 28), чтобы заставить царя одрисов покинуть Персея. Таким образом, самый опасный для Рима союзник Персея выходил из строя без усилий римлян. Здесь впервые в отношении фракийских племен римляне применили свою излюбленную политику разделения путем искусственного разжигания племенной розни.

Полная победа римлян над Македонией, которая в течение двух последних столетий являлась сильнейшей державой, естественно, вызвала переориентацию среди знати южнофракийских племен. Одрисы резко изменили свое отношение к Риму, встав на его сторону. Котис IV, являясь выразителем интересов племенной землевладельческой знати, стал искать союза с сильным противником. Он первый послал посольство в Рим, которое оправдало бы его в глазах сената и предложило выкуп за его сына Бизиса, попавшего в плен к римлянам. Римляне, сами заинтересованные в союзе с фракийцами, не только отпустили Бизиса, но и щедро одарили послов Котиса (Liv., XLII, 42). Таким образом, одрисская знать, проводя проримскую политику, пошла на разрыв с собственным народом.

Вместе с тем, Риму союз с одрисами был чрезвычайно нужен и выгоден. Этот союз мог быть использован для будущего проникновения римлян в глубь фракийских земель, затем к Херсонесу Фракийскому и далее к Византию. Но непосредственно в 60—50-е годы II в. до н. э. союзные отношения с фракийскими династами должны были, прежде всего, обеспечить римлянам полное господство в Македонии и устранение Фракии от участия в возможных столкновениях с Македонией, так как прошедшая война показала, какое значение имеет использование в войне фракийских резервов.

Но раздел Македонии и оказавшееся вследствие ее поражения непосредственное соседство Фракии теперь уже с владениями Рима и, следовательно, угроза возможных вторжений римлян теперь уже непосредственно на территорию Фракии с последующим вмешательством в ее внутреннюю жизнь способствовали росту антиримских настроений среди большинства фракийских племен. Рост антиримских тенденций во Фракии и, вследствие этого, возможное охлаждение в отношениях Рима и Фракии, по-видимому, можно усматривать в том, что в источниках отсутствуют сведения о каких-либо союзных отношениях между фракийцами и Римом после Третьей Македонской войны. Нет упоминаний даже о союзе с одрисами, которые в 168 г. до н. э. перешли на сторону Рима.

Таким образом, если в ходе войны с Персеем какая-то часть фракийских племен, и среди них одрисы, приняли сторону Рима, то после тех суровых мер и репрессий, которые римляне провели в отношении Македонии и ее союзников, и вследствие той угрозы, которая теперь нависла со стороны Рима уже непосредственно над самой Фракией, фракийские племена и их царьки переходят в оппозицию к Риму. В самой Македонии, широкие слои простого населения также выступали против Рима. В этих условиях объединение этих двух сил, активно действовавших против римлян, становилось вполне реальным и возможным. И это объединение антиримских сил действительно имело место во время восстания под руководством Андриска, придав ему широкий размах и силу.

Поводом для начала движения было появление некоего Андриска, весьма энергичного человека, талантливого организатора, сумевшего правильно определить основные силы борьбы. Простой ремесленник из Адрамития назвал себя Филиппом, сыном Персея, хотя всем было изве-

стно, что действительный сын царя умер несколько лет назад. Имя Филиппа, наследника Персея, было взято не случайно. Оно пользовалось популярностью среди македонян и в период становления власти Рима могло стать символом независимости страны¹.

Впрочем, массы македонян, греков и фракийцев, которые участвовали в восстании Андриска, мало интересовались тем, был ли он действительно сыном Персея. Они шли за ним только потому, что Андриск возглавил национально-освободительное движение, которое со временем приобрело социальный характер. Выступление Андриска, являясь только по форме династической борьбой, по существу было крупным социальным освободительным движением. Оно не было единственным во II в. до н. э. В Пергаме почти в это же время, как известно, имело место восстание Аристоника, который смог сплотить вокруг себя различные слои населения, отнюдь не для достижения царского трона для себя, а для борьбы против римского владычества и рабовладельцев².

Источники, относящиеся непосредственно к истории восстания, весьма лаконичны и фрагментарны. Часто это сообщения более поздних интерпретаторов. Некоторые сведения о восстании Андриска мы находим у Полибия, его современника. В I главе XXXVII книги историк приводит отклики общественного мнения на наиболее значительные события современности — разрушение Карфагена и разгром Лже-Филиппа. Во II главе этой же книги он сообщает о начале движения. К сожалению, окончание II главы и начало III, в которых Полибий излагает, по-видимому, его дальнейшую историю, не дошли до нас. По сохранившимся данным можно установить, что он ограничился лишь перечнем фактов, непосредственно относящихся к борьбе Рима с Андриском. Отказываясь от простой констатации фактов, Полибий старается, однако, найти причины, в силу которых македоняне оказали значительную помощь самозванцу, «негодяю» в глазах римлян. Для этого он обращается к рассмотрению внутреннего состояния Македонии. Однако, будучи верным апологетом Рима и считая, что «македонянам римляне оказали важные и многочисленные услуги и избавили их от прежних тяжких и кровавых междоусобиц» (Polyb., XXXVII, 9), он оказывается бессильным найти эти причины. Некоторые сведения, приводимые Полибием, но утраченные для нас, сохранились в книгах Ливия и Диодора, но тоже далеко не полностью (Liv., Per. 49, 50, 53; Diod., XXXII, 15,1). Сообщения и Ливия и Диодора близки по содержанию и это свидетельствует о том, что в основе их сведений лежит один и тот же источник — Полибий. Изложение истории весьма одностороннее. Они, отдавая дань занимательности, передают более подробно версию о царском якобы происхождении Андриска и кратко сообщают о сражениях римлян с Лже-Филиппом. У Ливия нет непосредственных данных о деятельности Андриска внутри Македонии. Однако в некоторых его фразах встречается отзвук событий 149—148 гг. до н. э. Так, он пишет, что вся Македония оказалась в руках Лже-Филиппа, которую

¹ Персей провел ряд мер, снижавших ему популярность. Он позволил возвратиться в Македонию всем, «кто бежал от долгов, был приговорен к изгнанию по суду, покинул отечество по обвинению в оскорблении царского достоинства. В самой Македонии он простил долги государственным должникам и выпустил на свободу содержащихся в тюрьме преступников. Эти мероприятия поднимали дух многих эллинов, а Персея все почитали способным оправдать наилучшие надежды» (Polyb., XXV, 3). Он старался привлечь к себе греческие племена и общины, и «...большинство греческих государств отдавало ему предпочтение перед Евменом» (Liv., XLII, 5). А. Никитский отмечает, что «простой народ вообще стоял за Персея» (А. Никитский, Римляне о царе Персее, ЖМНП, 1906, март, стр. 192).

² О. Н. Юлкина, Восстание Аристоника и римское завоевание Пергама, рукопись кандидатской диссертации, М., 1945, стр. 153.

«...он захватил или оружием или по желанию жителей»... (aut voluntate incolentium aut armi occupavit...—Liv., Per. 49). Примечательно выражение «voluntate incolentium», указывающее на то, что какая-то часть населения добровольно перешла на сторону самозванца, вопреки утверждению целого ряда авторов о насильственном подчинении страны (Diod., XXXII; Flor., II, 14; Zon., IX, 28). Ряд сведений у Диодора дополняет рассказы Ливия и, что особенно важно, Диодор сообщает о связях Андриска с фракийцами и о его пребывании во Фракии. Очень кратко Диодор сообщает об острой социальной борьбе, происходившей в Македонии во время Лже-Филиппа (Diod., XXXII, 15, 1,9а и 9в). Страбон, Веллей Патеркул, Павсаний, Тацит, Аппиан, Лукиан¹ кратко упоминают об Андриске и очень мало дополняют сведения Полибия и Ливия. Несколько больше места отводит восстанию Флор. Сообщаемые им сведения весьма поверхностны, но некоторые места интересны, так как являются, по-видимому, отражением установившейся официальной точки зрения на движение 149—148 гг. до н. э. Так, та книга его труда, в которой рассказывается история восстания Андриска, названа «Bellum Macedonicum tertium» (Flor., II, 14). Таким образом, то, что римляне называли это движение войной, свидетельствует о его силе и размахе. Заслуживает внимания сообщение Флора об участии фракийцев в войсках Лже-Филиппа (Flor., II, 14). Подобно Флору, борьбу Рима с Андриском как Третью Македонскую войну рассматривает и Аммиан Марцеллин (Amm. Marc., XIV, 11, 33; XXVI, 20). Свидетельства христианских авторов — Орозия, Евтропия, Евсевия — значительно более скудны, чем историков античности. Большой интерес представляет свидетельство Зонары о тех жестокостях, которые учинил Андиск в Македонии. Здесь возможно усматривать отзвуки острейшей социальной борьбы, охватившей всю Македонию (Zon., IX, 28).

Таким образом, сведения древних авторов ограничиваются преимущественно изложением внешнего хода событий, не отмечая тех внутренних причин, которые обусловили участие в движении Андриска широких масс македонян и фракийцев. Только сравнительное изучение текстов древних авторов и привлечение данных источников иного рода позволяет увидеть те социальные моменты, которые содержало в себе движение 149—148 гг. до н. э.

Все источники говорят об Андриске как о самозванце, человеке низкого происхождения. Ливий называет его *ultimaе sortis homo* (Liv., Per., 49). Диодор уверенно относит его к наемникам (*μισθοφόρος*) (Diod., XXXII, 15,1). Флор повторяет, в сущности, выражение Ливия *vir ultimaе sortis*, а также говорит о нем как о наемнике (*dubium libera servus, mercennarius certe*—Flor., II, 14). Лукиан и Аммиан Марцеллин только уточняют сведения о его происхождении, говоря, что он родился в семье валяльщика шерсти (Lucian, Adv. indoct., 20; Amm. Marc., XIV, 11, 33) в маленьком малоазийском городке Адрамитии².

Источники не содержат сведений о первой половине жизни Андриска и начинают изложение событий со времени провозглашения его царем. История возвышения Андриска может быть восстановлена в такой, по-видимому, последовательности. В 149 г. до н. э. Андиск объявил себя сыном

¹ Strabo, VII, fr. 47; Vellei., LII, 1—2; Paus., VII, 13, 1; Tac., Ann., 62; App., Lib., 111 и 135; Lucian., Adv. indoct., 20.

² Сообщение Павсания об Андриске как о сыне царя Персея, не подтверждаемое свидетельствами всех прочих древних авторов, не может быть признано достоверным. Вместе с тем свидетельство Павсания интересно тем, что легенда о царском происхождении Андриска получила во время Павсания, видимо, всеобщее признание.

царя Персея и сирийской принцессы Лаодики (Liv., Per., 49). Первое его выступление, очевидно, плохо подготовленное, потерпело неудачу, хотя он и нашел сторонников среди македонян и, как отмечает Зонара, «побудил к отпадению многих»... (ἐπί πλείστον ἀπέστησε — Zon., IX, 28). После первого неудачного выступления он, ссылаясь на мнимое родство с Персеем (...διὰ το γένο — Zon., IX, 28), направился за помощью к сирийскому царю Деметрию Сотеру (Liv., Per., 49; Diod., XXXII, 15; Zon., IX, 28). По-видимому, Андриск, рассчитывая на недовольство сирийского царя тяжелыми условиями мирного договора 188 г. до н. э., надеялся найти здесь союзников для борьбы с Римом. Частично его расчеты оправдались. Диодор пишет, что многие открыто говорили Сотеру, что он должен или помочь Андриску стать царем или отдать ему царство, если сам он не хочет или не может управлять (Diod., XXXII, 15). Сотер, боясь волнений народа (φεβηθεὶς τὴν τῶν ὄχλων ὀξύτητα), а также, вероятно, и гнева римлян, выдал его римлянам. Андриск был интернирован в одном из городков Италии, откуда он бежал в Милет (Diod., XXX, 15; Liv., Per., 49; Zon., IX, 28). В это время окончательно сложилась легенда о его царском происхождении. Рассказывали, что будто бы Персей, боясь гибели сына от рук убийц, подсланных Римом, передал его некоему крестьянину, который должен был воспитать его как сына, и тот только перед смертью открыл ему тайну его рождения. Через некоторое время Андриск появился в Милете, но был выдан городскими властями Риму и вторично отпущен римлянами на свободу. Середина II в. до н. э. была для Рима временем расцвета его рабовладельческой системы, временем подчинения им Средиземноморья, и в этой обстановке внутренне-го подъема экономики и внешних успехов появление самозванца не могло внушить серьезных опасений.

Андриск, вновь оказавшись на свободе, энергично занялся подготовкой восстания в Македонии и, что было особенно важно, в соседней Фракии, которая, как показывают дальнейшие события, должна была стать основной базой для антиримской борьбы. К этому решению его привели неудачные выступления в Сирии, Милете, а главное, антиримские позиции многих фракийских племен. Источники не дают возможности проследить детально ход подготовки восстания. В нашем распоряжении имеются лишь косвенные свидетельства Диодора. Диодор сообщает, что Андриск пользовался помощью некоего Николая, македонянина по происхождению. Николай устроил в Македонии встречу Андриска с некоей Каллипой, которая когда-то была якобы наложницей Персея. Она «узнала» Андриска, передала ему знаки царского достоинства и посоветовала отправиться во Фракию к царю Тересу, женатому на сестре Персея. Так сообщает Диодор. Несомненно, здесь много вымысла, но важно то, что и в Македонии, и во Фракии имелись сторонники самозванца.

Фракия также была готова к его прибытию. К фракийцам Андриск отправился окольным путем, через Византий (Diod., XXXII, 15). Очевидно, он хотел установить союз с южными фракийскими племенами — медами и синтами и с таким богатым городом, каким являлся Византий. Византийцы приняли самозванца как царского сына, тем самым отказавшись от своей обычной политики нейтралитета и включившись в антиримскую борьбу. Этот союз, хотя и оказавшийся кратковременным, можно объяснить только теснейшими экономическими связями Византия с примыкавшей к нему фракийской периферией. Именно Фракия, вместе с греческими городами Понта, поставляла Византию предметы транзитной торговли, нарушение которой нанесло бы значительный ущерб его экономике.

Во Фракии ему также была оказана торжественная встреча. Терес, как родственник Персея, передал Андриску командование войском и

возложил на его голову как «царского сына» диадему (Diod., XXXII, 15). Эта церемония должна была подтвердить законность притязаний Андриска на македонское царство и сделать его более популярным в глазах народа. Он быстро получил поддержку других фракийских династий, в частности царя Барсады (Diod., XXXII, 15,1; Flor., II, 14; Zon., IX, 28).

Источники не дают прямых свидетельств о том, какие именно племена фракийцев оказали поддержку Лже-Филиппу. Однако они отмечают, что во Фракии Андриск смог собрать большое войско, в которое привлек и свободные народы, и династии, тяготившиеся властью Рима: ... και συγχυδς μὲν τὴν ἀυτονομίῳ συγχυδς δὲ καὶ τὴν δυναστίῳ τοῖς Ῥωμαίοις ἀχθόμενους ... (Diod., XXXII, 15, 1; Zon., IX, 28). Свободными народами древние авторы обычно называли обитателей Гема и Родопа. Следовательно, и горные племена Фракии, и южные фракийцы, образовавшие к этому времени ряд царств, перешли на сторону Лже-Филиппа, составив значительную часть его войск. Поэтому, как сообщает Флор, Андриск был могущественен не только благодаря силе македонян, но также и фракийцев (Flor., II, 14).

Древние авторы не перечисляют отдельных фракийских династий, оставшихся верными Риму, что они не преминули бы сделать, если бы это имело место. Очевидно, вся Фракия с ее огромными людскими резервами, богатейшими хлебными запасами встала на сторону Македонии, и в данном случае Андриска. Одрисская знать, как и другие династии типа Абрупполиса, имевшие ранее союзные отношения с Римом, в это время подъема всей страны против Рима, по-видимому, порвали с римлянами. Несомненно, фракийцы оказали Лже-Филиппу серьезную поддержку, так как уже в том же 149 г. до н. э. он появился на границе Македонии. Лже-Филипп легко одержал две победы на берегах Стримоны над пограничными постами и затем вошел в Македонию¹. События развERTывались быстро. Андриск привлек на свою сторону, очевидно, большую часть населения страны и подавил сопротивление сторонников Рима². По Страбону, в руках Лже-Филиппа оказалась та территория, которой ранее владел Персей и границей которой был Гебр, иначе — вся Македония (Strabo, VII, fr. 47). Далее самозванец направился в Фессалию и занял значительную часть ее территории. Фессалийцы должны были отправить послов к ахеянам с просьбой о помощи³. Страна была охвачена восстанием, власть римлян в Греции находилась под угрозой, а римский сенат все еще не представлял себе опасности. Он послал в Элладу Павла Сципиона Назику, надеясь, что тот выяснит обстановку и сможет, опираясь на авторитет римского имени, остановить самозванца (Zon., IX, 28). Сципиону Назике пришлось мобилизовать внутренние ресурсы на месте, с тем чтобы хотя бы приостановить продвижение Андриска в Грецию. По настоянию римлян войска ахеян отправились в Фессалию и вытеснили оттуда восставших (Liv., Per., 50; Zon., IX, 28). Сципион Назика обратился за помощью к Атталу Пергамскому, надеясь использовать его флот (Zon., IX, 28). Но если удалось приостановить движение Лже-Филиппа в Грецию, то Македония оказалась вне власти Рима. Римский сенат теперь, наконец, был серьезно обеспокоен. Он послал против восставших претора Публия Ювентия Флакка, поручив ему восстано-

¹ Polyb., XXXVII, 2; Zon., IX, 28; Vellei., I, 11, 1; Porph., в Euseb., Chron., ed. Schoene, I, 239 слл.

² Liv., Per., 49; Diod., XXXII, 15,1.

³ Polyb., XXXVII, 2; Liv., Per., L; Zon., IX, 28.

вить порядок на Балканах¹. Но римляне жестоко заблуждались, думая, что Ювентий сумеет подавить восстание, имея в своем распоряжении только один легион. Ему не удалось даже проникнуть в Македонию. Лже-Филипп встретил Ювентия где-то на подступах к ней и нанес римскому войску сокрушительный удар. Римляне были разбиты, сам претор бежал с поля под прикрытием темноты².

К сожалению, значительно труднее, чем проследить ход движения Андриска, увидеть его социальную направленность. Источники почти не содержат прямых данных, дававших бы возможность раскрыть социальный характер восстания. Однако именно из того обстоятельства, что все древние авторы сходятся в определении его как движения под главенством «разбойника» и «негодяя», с несомненностью явствует, что Андриск не только не принадлежал к «лучшим людям», но, более того, он выступал против них, чем и заслужил к себе такое резко отрицательное отношение в историографии древних. Известно, что народные выступления против Рима и даже выступления рабов рассматривались с точки зрения правящего класса, особенно в период империи, как выступления «разбойников» (*latrones*)³.

Так, Полибий, современник событий, с возмущением писал, что македоняне, сражаясь под властью своих законных царей, дали «победить себя... зато доказали мужество и одержали победу над римлянами, когда сражались под началом негодяя за его царское достоинство» (Polyb., XXXVII, 9). Весьма пренебрежительно отзывается о Лже-Филиппе и Ливий (Liv., Per., 49). Диодор особенно щедро наделяет Андриска всевозможными пороками. Вождь восстания в его изображении является скоплением всех отрицательных черт: ...ἐν γὰρ φύσει θηριώδης καὶ φονικὸς καὶ κατὰ τὰς ἐντιξίεις ὑπερήφανος, ἐπὶ δὲ πλεονεξίας καὶ πάσης κακίας ἀνάπλευς (Diod., XXXII, 9). У Диодора и Зонары встречаются фразы, позволяющие считать, что 149—148 гг. до н. э. были для Македонии годами ожесточеннейшей социальной борьбы. Так, Диодор пишет, что Андриск действовал противозаконно: ...καὶ παρανομίαν τυράννην (Diod., XXXII, 9a), и далее поясняет, как именно. Оказывается, самозванец оттеснял многих богатых и лишал их жизни, опираясь, по мнению возмущенного историка, на ничем не обоснованную клевету (...πολοὺς μὲν γὰρ τῶν εὐπόρων ἀνεῖλεν ἐπιρρίτας αἰτίας διαβολῆς φεοδούς (Diod., там же). Здесь особенно интересно выражение «τῶν εὐπόρων», свидетельствующее о том, что противники Андриска были людьми имущими, следовательно, это была борьба и с богатыми. Данные Зонары также дают возможность считать, что движение Андриска сопровождалось ожесточенной внутренней борьбой (ὅ περὶ Μακεδονίαν γενομένῳ συμβαλὼν ὁ Ἀνδρίσκος ἐκείνον τε ἀπέκτεινε, καὶ τοὺς ἄλλους πάντας ἄν κατεργάσατο, εἰ μὲ τῆς νικτὸς ἀπεχωρήσαν (Zon., IX, 28). Эти свидетельства говорят о том, что движение Андриска охватило широкие слои рядового населения Македонии и было направлено одновременно и против римлян и против олигархов. С горечью отмечает Полибий «неблагодарность» македонян не только по отношению к римлянам, но и по отношению к своим законным царям. «...Больше чем их последних (т. е. законных македонских царей. — Н. М.) они любили самозванца Андриска и с большим усердием служили ему» (Polyb., XXXVII, 13). Диодор также говорит о расположении к нему многих (Diod., XXXII, 9a). Те же данные о добровольном переходе на сторону Андриска части населения Македонии находим

¹ Liv., Per., I; Oros., IV, 22,9; Eut., IV, 13; Zon., IX, 28.

² Liv., Per., I; Flor., II, 14; Eut., IV, 13; Oros., IV, 22,9.

³ А. Д. Дмитриев, Движение *latrones* как одна из форм классовой борьбы в римской империи, ВДИ, 1948, № 4.

у Ливия (Liv., Per., 49). И, наконец, Зонара указывает, что он привлёк многих на свою сторону (Zon., IX, 28).

Источники ничего не говорят о социальных преобразованиях, проведенных Андриском. Здесь можно идти лишь путем сравнений. Возможно, подобно Персею, он произвел кассацию долгов. Он, очевидно, как несколько раньше, в 180 г. до н. э., в Спарте Херон (Polyb., XXIV, 7, 1—4) и позже стратег Ахейского союза Критолай (Polyb., XXXVIII, 9, 10) и Аристоник в Пергаме, приступил к социальным реформам. В обстановке сильной антиримской борьбы могли быть отобраны земельные владения, захваченные римлянами, и, вероятно, как это сделал Херон, Андриск разделил эти поля между беднейшими гражданами. Только подобными мерами можно объяснить сплочение народных масс вокруг Андриска и напряженность борьбы.

Восставшие, по-видимому, утвердили независимое существование единой Македонии. Очевидно, в 149 г. до н. э. произошло воссоединение разрозненных частей страны в одно целое. Доказательством этого объединения и вместе с тем провозглашения независимости является прекращение чекана монет в отдельных частях Македонии и выпуск единых для всей Македонии серебряных монет с надписью ΜΑΚΕΔΟΝΩΝ¹. На аверсе этого выпуска была изображена Артемида с лавровым венком на голове, на реверсе — дубовый венок, обычная македонская палица и надпись ΜΑΚΕΔΟΝΩΝ. Венок из лавра на голове Артемиды указывает на победу македонян над Ювентием. Надпись ΜΑΚΕΔΟΝΩΝ была на автономных монетах Македонии до 168 г. до н. э.; в 149 г. до н. э. она появилась в последний раз. К этому же году следует отнести другой выпуск тетрадрахмы с надписью βασιλέως Φιλίππος². Надпись должна была еще раз подчеркнуть царское достоинство Андриска и единство страны.

Поражение Ювентия и воссоединение Македонии вызвали, наконец, большую тревогу у римского сената, тем более что стало известно об обращении карфагенян за помощью к Македонии. Карфагеняне отправили послов к нумидийскому и мавретанскому царям и в Македонию, к Лже-Филиппу, обещая, что у него не будет недостатка ни в кораблях, ни в деньгах из Карфагена, убеждая его твердо продолжать войну (App., Lib., III). Возможность объединения двух сильнейших врагов Рима была особенно опасна тогда, когда Испания была объята восстанием, что угрожало Риму потерей его завоеваний. Римский сенат послал в Македонию новую армию под командой К. Цецилия Метелла, имевшего уже опыт борьбы в Испании. Но Лже-Филипп прочно захватил инициативу в свои руки. Неожиданным нападением близ Пидны он нанес поражение римлянам и заставил их отступить (Zon., IX, 28). После победы он решил разделить свое войско на две части, одна из которых была направлена в опустошенную Фессалию, другая оставлена в Македонии. Это было ошибкой, которая облегчила римлянам борьбу. К. Цецилий Метелл напал на ослабленное разделение войско Андриска и нанес ему сокрушительный удар: 25 тысяч войска Лже-Филиппа было разбито и рассеяно³. Победа была облегчена тем, что начальник конницы Телест, подкупленный римлянами, во время сражения перешел на их сторону (Diod., XXXII, 9a). Метелл, опираясь на знать Македонии, взял власть в стране в свои руки.

¹ Н. Gaebler, Zur Münzkunde Makedoniens, «Zeitschrift für Numismatik», XXXIII, стр. 146.

² Н. Gaebler, Die antiken Münzen von Makedonia und Paionia, В., 1935, стр. 7, табл. II, 3 и XXXV, 22.

³ Liv., Per., I; Strabo, XIII, 624; Vellei., I, 11, 2; Diod., XXXII, 9; Eut., IV, 13; Zon., IX, 28.

Зонара рассказывает, что Метелл мягко отнесся к тем, кто отошел в это время от Андриска и признал свою вину. В Македонию вернулись те, кто должен был покинуть ее при Андриске, они были восстановлены на прежних постах (Zon., IX, 28).

Лже-Филипп сделал еще раз попытку продолжить борьбу. Во Фракии он вновь собрал большое войско и появился в Македонии. Но инициатива была уже в руках Метелла. Он быстро разбил Андриска, неожиданно напад и разгромив его авангард. Остальное войско Филиппа в панике рассеялось¹.

Лже-Филипп третий раз бежал во Фракию и укрылся во владениях фракийского царька Бизий². Лишенный связи со своими союзниками, отрезанный от Македонии, он все же сделал еще одну попытку собрать войска во Фракии. Но часть знати фракийских племен после вторичного поражения Андриска отходит от движения. Хотя источники и не содержат прямых сведений об этом, однако то, что именно после восстания одрисские цари начинают последовательно проводить во Фракии римскую политику, подтверждает это положение. Очевидно, так же поступили меды и синты, которые еще раньше искали союза с Римом.

По-видимому, уже после первого поражения Лже-Филиппа, на сторону Рима перешел и Византий. Тацит передает нам, что во времена Клавдия византийские послы, перечисляя свои заслуги перед сенатом, прежде всего указали на союз, заключенный византийцами с римлянами, когда те воевали с Лже-Филиппом (Тас., Ann., 62). В таких условиях, когда знать фракийских племен тяготела к союзу с Римом, собрать нужные силы Лже-Филиппу было значительно труднее. Бизий из-за страха, как пишет Зонара, выдал Лже-Филиппа римлянам (Zon., IX, 28), и он был отправлен в Рим.

В 145 г. до н. э. в Риме торжественно праздновался ряд триумфов: Сципиона над Карфагеном, Метелла над Македонией и Муммия над Коринфом. Лже-Филипп шел перед колесницей Метелла³. Победе над Андриском римляне придавали большое значение и рассматривали ее как победу над Македонией (Polyb., XXXVII, 1). Они и отмечали ее так же, как победу над Карфагеном и Коринфом. Поражение Лже-Филиппа было концом самостоятельного существования Македонии. Римские войска заняли всю ее территорию, и сенатская комиссия во главе с Метеллом объявила ее римской провинцией.

Однако, несмотря на поражение, восстание Андриска усилило социальную и освободительную борьбу на Балканах и вызвало значительные отклики. Стратег ахейского союза Критолай, а затем Дией встали во главе освободительного движения, носившего, как и восстание Андриска, социальный характер. В 145 г. до н. э. консул Люций Муммий сурово расправился с восставшими. Затем выдвинулся некий Александр, который выдал себя за младшего сына Персея. Он появился в районе реки Несте. Выступивший против него Метелл преследовал войска Александра до Дардании (Zon., IX, 28). Через три года после подавления восстания Андриска в Македонии выступил второй Лже-Филипп. Источники сообщают, что он объединил 16 тысяч рабов. Но это движение было еще более кратковременным, и вскоре Лже-Филипп II был разбит квестором Тримеллием (Eut., IV, XV). Оба выступления значительно уступали по силе и размаху движению Андриска.

¹ Flor., II, 14; Eut., IV, 13; Zon., IX, 28.

² Flor., II, 14; Zon., IX, 28.

³ Liv., Per., LII; App., Lib., 135; Flor., II, 14; Auctor de viris illustribus, 61; Eut., IV, 14.

Движение Андриска явилось первым и последним выступлением, в котором вся Фракия, объединившись с рядовым населением Македонии, выступила против Рима за восстановление единой независимой Македонии, за сохранение независимости фракийских племен, за социальные преобразования. В дальнейшем фракийская знать неизменно будет выступать носительницей проримских тенденций. Причинами поражения восстания Андриска являлись прежде всего прочность во II в. до н. э. рабовладельческой системы Рима, его военное превосходство и, с другой стороны, большая неоднородность социальной базы движения, его этнического состава, стихийность выступлений. Весьма различные группы участников восстания объединяла лишь ненависть македонян к Риму, стремление фракийцев предотвратить возможность римского проникновения в их земли. В ходе восстания знать фракийских племен, наиболее развитых в экономическом отношении, перешла, как мы видели, на сторону римлян. Это сузило движущие силы восстания и тем самым ускорило его поражение. Фракийских династов соблазняли богатые дары и щедрый подкуп, практиковавшийся римлянами; их привлекало военное могущество Рима и его слава. Социальная направленность движения отпугнула фракийскую знать. Но и македоняне не имели, по-видимому, определенной программы социальных преобразований. Характерно, что и сам Андиск не пошел дальше использования уже готовой монархической формы правления.

Вместе с тем в развитии фрако-римских отношений восстание Андриска явилось переломным моментом. Система только союзных договоров не могла уже более существовать. Римляне переходят во Фракию к открытой военной и торговой экспансии. Теперь они стремятся превратить новую провинцию — Македонию в военную базу для дальнейшего продвижения на Балканы и прежде всего во Фракию. Завоевание ее южной части давало Риму контроль над понтийской торговлей, а захват всей ее территории открывал путь к Дунаю. Несомненно, римляне опасались и того, что Фракия может дать какого-либо нового Андриска и стать пунктом сбора сил для нового антиримского движения. Очевидно, уже в первые годы существования провинции Македонии римляне строят дорогу от Диррахия до Аполлонии, поскольку во времена Полибия эта дорога уже была построена (около 120 г. до н. э.). Дорога, как известно, проходила через Кандавию, Эдессу, Пеллу и далее до Фессалоник (Polyb., XXIV, 12). Конечный пункт — Фессалоники подводил римлян к полуострову Халкидики, через который шел старый торговый путь по южной побережью Фракии до Кипселы, города одрисов. Таким образом, строительством дороги Рим облегчал себе проникновение во Фракию. Затем последовала длительная полоса вторжений римских наместников Македонии во Фракию, Иллирию, Пеонию (и, одновременно, ответных нападений на фракийцев на римские области), пока, наконец, в 46 г. н. э. Фракия была превращена в римскую провинцию.

